АЛЕКСЕЙ РОМАНОВ
МОСКОВСКИЙ ЛАБИРИНТ
КНИГА 1

Алексей Романов

Московский лабиринт

«Автор»
2026

Романов А.

Московский лабиринт / А. Романов — «Автор», 2026 — (Московский лабиринт)

Москва, конец XIX века. За благообразными фасадами, блеском кремлевских куполов и афишами скрывается «нижний мир» столицы — Лабиринт, живущий по жестоким и пугающе технологичным законам.Отставной сыщик Арсений Лавров и его верный спутник, фронтовой доктор Иван Данилович, берутся за расследования, перед которыми пасует полиция. В первом томе им предстоит столкнуться с тенью загадочного «Инженера» и распутать сеть изощренных заговоров: от отравлений синильной кислотой в коллекторе Неглинки и подпольного печатного станка под сценой Большого театра — до призраков Плевны, алхимического горнила в подвалах Сухаревой башни и смертоносных восковых мин на Лубянке.Сможет ли холодная дедукция и верная серебряная табакерка Лаврова остановить безумных гениев, решивших погрузить Первопрестольную в хаос и переписать историю?Рекомендуется поклонникам романов Бориса Акунина (цикл об Эрасте Фандорине) и Николая Свечина.

© Романов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Алексей Романов
Московский лабиринт

Глава

“Московский лабиринт”
Повесть первая: Стук табакерки
Глава 1. Гость из Неглинки

Метель на Малой Бронной разыгралась не на шутку. Снег бился в стекла меблированных комнат, словно просился на постой, но внутри было тепло. В воздухе стоял густой, уютный запах крепкого чая, аптечной ромашки и дорогого турецкого табака.

Арсений Петрович сидел в глубоком кресле, поджав длинные ноги. На коленях у него лежала старая тульская гармоника, но мех её был неподвижен. Он смотрел в окно, где в свете газового фонаря кружились белые мухи. Его пальцы мерно постукивали по серебряной табакерке: тук-тук… тук-тук…

Иван Данилович, сидевший напротив, корпел над тетрадью.

— Арсений Петрович, — не выдержал доктор, откладывая перо. — Этот ваш ритм… Я уже трижды написал «рецепт» вместо «рапорт». О чем вы думаете?

— О сапогах, Иван Данилович, — отозвался Лавров, не поворачивая головы. — О тех самых сапогах, что уже три минуты топчутся у нашего подъезда. Человек не решается войти. Он молод, напуган и явно не местный.

— Помилуйте, — буркнул доктор, прислушиваясь. — За воем ветра ничего не слышно!

— А слышать и не надо. Взгляните на отражение в стекле. Видите, как дрожит тень от фонаря? Наш гость прислонился к столбу, чтобы перевести дух. Но главное не это. Слушайте…

В этот момент снизу донесся тяжелый, неуверенный удар дверного молотка. Через минуту послышались шаги по лестнице — неровные, шаркающие. Дверь отворилась, впуская в комнату облако морозного пара.

На пороге стоял молодой человек. Его лицо было бледным, почти прозрачным, а глаза лихорадочно блестели. На нем была форменная шинель мелкого чиновника, явно с чужого плеча — рукава были коротки, обнажая тонкие, дрожащие запястья. Но внимание Лаврова привлекло другое: левая пола шинели была густо испачкана чем-то темным, почти черным.

— Господин Лавров… — прошептал юноша, комкая в руках картуз. — Мне сказали… вы помогаете тем, кому не верит полиция.

Арсений Петрович наконец обернулся. Он не встал, но его взгляд впился в гостя, как крючок в рыбу.

— Проходите, голубчик. Снимите шинель, она вам не по размеру и слишком пахнет Неглинкой. Иван Данилович, налейте нашему гостю чаю с малиной. У него начинается горячка, но не от простуды, а от страха.

— Откуда вы… — начал было юноша.

— Вы пришли с Сухаревки, — перебил его Лавров, возобновив стук по табакерке. — На вашем левом сапоге присохла рыбья чешуя, которая встречается только в рыбных рядах у Сухаревой башни. Вы бежали через Трубную площадь, иначе бы грязь на брюках успела замерзнуть. Но самое интересное — это ваша шинель. Вы ведь не чиновник, верно? Вы — студент, который проиграл свою одежду в карты или заложил её в кабаке, а эту шинель… вы сняли с покойника.

Юноша пошатнулся и едва не упал, если бы Иван Данилович не подхватил его под локоть.

— Я не убивал его! — вскрикнул гость. — Он уже лежал в воде! Но у него в руках был этот конверт… А на конверте — печать с короной и подпись: «Князю лично».

Стук табакерки мгновенно прекратился. Лавров медленно встал. Меланхолия сползла с его лица, как старая кожа, обнажив хищный азарт.

— Ну что же, Иван Данилович, — произнес он, протягивая руку за своим пальто. — Забудьте о своих записях. Кажется, Лабиринт сам постучался к нам в двери.

Арсений Петрович быстро накинул пальто и привычным движением проверил, на месте ли табакерка в кармане. Иван Данилович, ворча под нос что-то о «сумасбродстве на ночь глядя», уже паковал в саквояж бинты и флакон со спиртом.

— Как ваше имя, молодой человек? — спросил Лавров, застегивая пуговицы.

— Алексей… Алеша Попов, студент из бывших, — выдохнул гость, согреваясь от горячего чая. — Я искал заработка на Сухаревке, думал, может, переписать что дадут. А наткнулся на него у самого коллектора Неглинки. Он лежал ничком, а в руках — этот конверт. Я испугался, барин… Думал, если полиция найдет, на меня и повесят. А шинель… моя совсем прохудилась, я и смалодушничал, переодел.

— Малодушие в Москве — лучший способ выжить, но худший — оправдаться, — отрезал Лавров. — Показывайте письмо.

Студент дрожащими пальцами вытащил из-за пазухи помятый конверт. Бумага была дорогой, верже, но насквозь пропиталась болотной вонью подземной реки. На сургучной печати действительно красовалась корона, но странная — с пятью зубцами, похожими на когти.

Арсений Петрович не стал вскрывать письмо. Он поднес его к лампе, внимательно изучая фактуру.

— Любопытно. Письмо не из канцелярии. Это частная переписка, но человек, писавший его, привык отдавать приказы. Иван Данилович, взгляните на край. Что скажете как медик?

Доктор надел очки и присмотрелся.

— Пятна… коричневые. Не грязь. Кровь, Арсений Петрович. Причем несвежая, сгустившаяся. Но посмотрите на края бумаги — они словно опалены чем-то едким.

— Кислота, — кивнул Лавров. — Письмо пытались уничтожить, но что-то помешало. Алеша, ведите нас к тому месту. И молитесь, чтобы «Князь» не послал своих людей прибраться до нашего прихода.

Они вышли на улицу. Малая Бронная встретила их колючим ветром. Извозчик-ночник, дремавший на козлах неподалеку, нехотя вскинулся, увидев трех господ.

— На Трубную, любезный! — скомандовал Лавров. — Да гони так, будто за тобой все черти Хитровки гонятся.

Сани заскользили по рыхлому снегу. Москва вокруг них менялась. Благообразные фасады Бронной остались позади, уступая место темным провалам переулков. Чем ближе они были к Трубной площади, тем гуще становился запах — смесь мокрой шерсти, конского навоза и того самого тлена, который Лавров называл «дыханием Москвы».

— Вы думаете, это дело рук самого Князя? — шепнул Данилыч, покрепче сжимая в кармане рукоять револьвера.

— Князь не пачкает руки в Неглинке, Иван Данилович. Он плетет паутину, сидя в тепле. Но если письмо предназначалось ему, а попало к нам — значит, в паутине порвалась важная нить. А это — самое опасное время для любого, кто окажется рядом.

Сани резко затормозили у края площади. Впереди, скрытая туманом и паром из водостоков, лежала низина, где под мостовой стонала скованная камнем река Неглинка. Именно там, в тени старого моста, чернел вход в «ад» — место, которое обходили стороной даже самые отчаянные городовые.

— Вон там… — студент указал на обледенелую лестницу, ведущую вниз, к самой воде. — За тем выступом он и лежит.

Лавров первым ступил на лед, его пальцы привычно выстукивали по табакерке в кармане пальто быстрый, тревожный ритм.

Они начали спускаться. Ступени, покрытые намерзшей коркой грязного льда, уводили в серую пустоту. Внизу, под сводами коллектора, Неглинка глухо рокотала, словно потревоженный зверь. Туман здесь был настолько плотным, что свет фонаря Ивана Даниловича увязал в нем, как в вате.

— Осторожнее, Иван Данилович, здесь ступени скользкие от жира, — негромко произнес Лавров. — Кухонные отходы из трактиров сливают прямо сюда.

Они достигли дна. У самой кромки воды, на узком каменном уступе, темнело нечто бесформенное. Алеша Попов вскрикнул и прижался к стене.

Это был человек. Точнее то, что от него осталось после встречи с «нижним миром» Москвы. Он лежал на спине, раскинув руки. На нем не было шинели — лишь тонкая рубаха, прилипшая к телу от сырости.

— Фонарь, — коротко бросил Арсений Петрович.

Доктор направил луч света на покойника. Иван Данилович, видевший сотни ран на полях сражений, невольно отшатнулся.

— Господи… Арсений Петрович, посмотрите на его лицо. Это не вода сделала.

Лицо покойного было покрыто странными, идеально ровными темными пятнами, а губы застыли в гримасе неестественного изумления. Лавров опустился на одно колено, не заботясь о полах своего пальто. Его пальцы, защищенные тонкими кожаными перчатками, коснулись шеи убитого.

— Вы правы, друг мой. Его не топили. Его даже не резали. Взгляните на зрачки — они расширены так, будто он увидел самого сатану. Или… — Лавров принюхался, поднеся пальцы к самому лицу покойного. — Горький миндаль и медь. Старая добрая синильная кислота, но в какой-то дьявольской смеси.

— Но письмо! — подал голос студент. — Он держал его так крепко, что мне пришлось разжимать пальцы!

— Письмо было приманкой, — Лавров резко выпрямился. Стук табакерки в его кармане стал быстрым и жестким. — Иван Данилович, гасите фонарь! Живо!

— Что такое?..

— Слишком поздно. Слышите?

Из глубины туннеля, со стороны Цветного бульвара, донесся странный звук. Это не был плеск воды или свист ветра. Это был ритмичный, тяжелый скрежет металла по камню. Словно кто-то тащил за собой длинную цепь.

Из тумана, метрах в двадцати от них, начали проступать два желтых огонька. Они казались глазами огромного хищника, но на деле были дешевыми жестяными фонарями в руках двух рослых теней.

— Гляди-ка, Хромой, — раздался хриплый, прокуренный голос. — У нас гости на обедне. И малый тот вернулся, видать, за добавкой.

— Князь не любит, когда в его почте копаются посторонние рыла, — ответил второй голос, более тонкий и неприятный. — Велено было зачистить.

Тени начали приближаться. В тусклом свете блеснули «кишкоправы» — длинные, узкие ножи, которыми орудовали хитрованские мясники.

— Арсений Петрович, — Иван Данилович медленно потянулся к карману за револьвером, — кажется, мой медицинский саквояж нам сейчас не понадобится.

— Не спешите, Иван Данилович, — спокойно ответил Лавров, даже не вынимая рук из карманов пальто. — Убивать нас здесь им невыгодно — трупы в Неглинке поднимут лишний шум в газетах, а Князь любит тишину. Алеша, закройте глаза.

Лавров внезапно выхватил из кармана свою серебряную табакерку, но не для того, чтобы постучать. Он нажал на скрытую пружину, и из табакерки с шипением вырвалось облако едкого, серого порошка, а сам Арсений Петрович в то же мгновение дунул на него, направляя в сторону нападавших.

— Ослепляющий состав с Сухаревки? — догадался доктор, прикрывая лицо.

— Моя собственная смесь, — отозвался Лавров. — Бежим вверх! К саням!

Лавров на мгновение замер, прислушиваясь к воплям ослепленных бандитов, эхом разлетавшимся под сводами Неглинки.

— Нет, Иван Данилович, — шепнул он, перехватив руку доктора, уже готовую рвануть к лестнице. — Убежать сейчас — значит потерять нить. Эти псы приведут нас к псарю. Алеша, дуй наверх, прыгай в сани и вели извозчику гнать к Каменному мосту, пусть шумит полозьями как можно громче. Отвлекай их!

Студент, не чуя ног от страха, бросился вверх по ступеням. Спустя секунду наверху послышались крики, свист и удаляющийся грохот саней.

— А мы станем тенями.

Они нырнули в боковой дренажный лаз, воняющий сыростью и старым кирпичом, как раз в тот момент, когда к месту гибели курьера подбежали еще двое. На этот раз это были не просто хитрованские оборванцы. Эти двое шли бесшумно, в кожаных куртках, а в руках у них были не ножи, а короткоствольные «бульдоги».

— Упустили, дурни! — прошипел один из пришедших, отвешивая подзатыльник ослепленному бандиту. — Князь с вас живых шкуру спустит. Собирайте жмурика. Поволокли в «Малинник», там Дырявый посмотрит, что он успел разболтать перед смертью.

Лавров и Данилыч, затаив дыхание, следили, как бандиты бесцеремонно взвалили тело курьера на плечи и двинулись вглубь туннеля, в сторону, противоположную выходу.

— Идем за ними, — скомандовал Лавров. — Держите револьвер наготове, Иван Данилович. Мы входим в «нижние этажи» Москвы, откуда по доброй воле еще никто не возвращался.

Они шли по щиколотку в ледяной жиже, ориентируясь лишь на тусклые отблески фонарей впереди и тяжелое дыхание носильщиков. Туннель становился всё уже, пока не уперся в кованую решетку, скрытую за водопадом нечистот. Один из бандитов нажал на кирпич, и решетка со скрипом отворилась, обнажая винтовую лестницу, ведущую вверх.

Поднявшись, герои оказались в подвале, который больше напоминал склад декораций к кошмарному сну. Повсюду висели связки заношенного платья, стояли ящики с церковной утварью и штабеля бочек с сомнительным содержимым. Но главное — сверху доносилась приглушенная музыка. Скрипка и разбитое пианино играли что-то веселое и одновременно надрывное.

— Мы под трактиром «Ерши», — прошептал Лавров, узнав мелодию. — Самый притон «золотой роты». Но посмотрите туда…

В дальнем углу подвала, за грудой рогожи, виднелась тяжелая дубовая дверь, у которой стоял человек в ливрее лакея, совершенно неуместной в этом вонючем подземелье. Лакей был неподвижен, как изваяние, а на его руках блестели белые перчатки.

— Контрасты Москвы, мой друг, — Лавров коснулся табакерки. — Сверху — пьяный разгул, здесь — склад краденого, а за той дверью… за той дверью начинается Лабиринт самого Князя.

В этот момент дверь отворилась, и из нее вышел человек, при виде которого Лавров вздрогнул. Это был пристав Охотного ряда, известный своей неподкупностью и суровостью. Он вытирал лицо платком, и руки его заметно дрожали.

— Нам нужно войти туда, Иван Данилович, — твердо сказал Арсений Петрович. — Но не как сыщикам. Доставайте свой саквояж. Сейчас вы — врач, вызванный к захворавшему авторитету, а я — ваш немой ассистент.

Лавров на мгновение замер, изучая дрожащие руки пристава, который быстро скрылся в тени подвальных сводов.

— Нет, Иван Данилович, идти в лоб — это значит дать Князю возможность разыграть свою партию. А мы смешаем ему фигуры. Видите те медные трубы под потолком? Это старая система отопления и «слуховые окна» для прислуги. В таких домах стены имеют уши, и мы ими станем.

Они ловко взобрались по штабелям бочек на узкий технический карниз. Лавров, гибкий как кошка, припал ухом к декоративной решетке, скрытой за слоем вековой пыли. Данилыч, тяжело дыша, устроился рядом, сжимая саквояж.

Снизу, из-за дубовой двери, донесся голос — мягкий, бархатный, лишенный всякой хрипотцы, присущей обитателям Хитровки. Это был голос человека, привыкшего к шампанскому и французской речи.

— …и вы утверждаете, господин пристав, что курьер был не один? — донеслось из-за решетки. — Какая небрежность. В письме были указаны доли для «московских тузов» по делу Ермиловских лавок. Если эти бумаги попадут в руки Лаврова, мой карточный домик может пошатнуться.

— Ваше Сиятельство… Князь… — заикаясь, отвечал пристав. — Мои люди видели высокого господина в хорошем пальто. Он использовал какой-то дьявольский порошок. Это точно Лавров.

— Арсений Петрович… — в голосе Князя послышалась улыбка. — Единственный человек в этом городе, который ищет истину там, где все остальные ищут только выгоду. Как это по-русски — пойти против течения в самой клоаке.

Послышался звон хрусталя.

— Значит так. Письмо должно быть возвращено до заутрени. Студента — в реку. Доктора — припугнуть. А Арсению Петровичу… передайте ему приглашение. Я хочу показать ему настоящую Москву, ту, что скрыта под золотыми куполами.

Князь сделал паузу, и его голос вдруг стал ледяным:

— А тело курьера сожгите в печи пекарни. Мед из его лавок будет слаще, если в нем не будет примеси лишних свидетелей.

Лавров резко отпрянул от решетки. Его лицо в полумраке казалось высеченным из гранита. Он быстро спустился вниз и знаком велел Данилычу следовать за ним к выходу через дренажный лаз.

Они выбрались на поверхность только через два квартала, у памятника первопечатнику Федорову. Москва спала, укутанная в белый саван метели.

— Он знает, что мы за ним следим, — прошептал Данилыч, вытирая пот со лба.— Он заманил нас туда специально, Арсений Петрович! Этот пристав… он ведь нарочно вышел так, чтобы мы его узнали!

Лавров остановился и вытащил табакерку. Его стук был медленным, задумчивым. Тук… тук… тук…

— Разумеется, мой друг. Князь не защищается — он играет. Письмо, которое у нас в руках, — это не просто улика. Это вексель на наши жизни. Но он совершил одну ошибку.

— Какую?

— Он думает, что я боюсь его приглашения. Завтра же, Иван Данилович, мы нанесем визит в особняк в Замоскворечье. Но прежде… нам нужно заглянуть на Сухаревку. Мне нужно купить одну вещь, которую не найдешь ни в одной аптеке города.

— Какую же?

— Совесть одного очень высокопоставленного чиновника. Она стоит недорого, но пахнет так же дурно, как Неглинка.

Глава 2. Утро на Малой Бронной

Утро не принесло покоя. Метель утихла, но за окном висела серая, гнетущая мгла. На диване, укрытый старым пледом, дрожал в горячке Алеша Попов. Иван Данилович сидел у его изголовья, меняя компрессы.

Арсений Петрович же был погружен в науку. На большом дубовом столе, обычно служившем обеденным, теперь царил хаос: пробирки, спиртовки, флаконы с кислотами, пинцеты и, в центре всего этого, — злополучное письмо от «Князя».

— Синильная кислота, Иван Данилович, — пробормотал Лавров, капая из пипетки какую-то жидкость на край опаленной бумаги. — В чистом виде она улетучивается быстро. Но здесь она смешана с тяжелым эфирным маслом. Потому и запах миндаля такой стойкий, и смерть быстрая.

— Дьявольская смесь, — отозвался доктор. — Зачем так сложно? Можно было просто удавить или зарезать.

— Стиль, друг мой. Князь любит стиль. Он не просто убивает, он оставляет послание. Он говорит нам: «Ядовит, неуловим и хладнокровен».

Лавров взял пинцет и аккуратно вынул из конверта сложенный вчетверо лист. Почерк был каллиграфическим, ровным и твердым.

— Что там? — Данилыч приподнялся.

— «Лавки Ермилова переходят под начало…» — Арсений Петрович замолчал, нахмурившись. — Дальше текст вытравлен. Частично.

Он поднес бумагу к свету лампы и стал медленно нагревать её над пламенем спиртовки. Бумага потемнела, и под вытравленным текстом проступили слабые, коричневатые буквы, написанные, кажется, молоком или лимонным соком.

— «…под начало Комитета по благоустройству городских рынков», — прочитал он вслух. — Вот оно что. Князь — не просто бандит с ножом. Он — чиновник. Он сидит в управлении города и легализует свой воровской бизнес через официальные структуры.

— Поэтому и пристав был с ним заодно! — воскликнул доктор. — Мы влипли, Арсений Петрович. Против нас не шайка, а вся московская администрация!

— Верно. Нам нужна информация изнутри Комитета, но открыто мы туда сунуться не можем.

Лавров быстро собрал свои химические приборы в ящик и натянул пальто.

— Я иду на Сухаревку. Мне нужен «Канцелярский волк» — мелкий писец, который пропил совесть, но знает все подноготную Комитета. Вы останетесь здесь, Иван Данилович. Присмотрите за студентом и приготовьте мой револьвер.

— Будьте осторожны, Арсений Петрович. У Князя длинные руки.

— В Москве у всех длинные руки, Данилыч. Главное — знать, что в них: нож или перо.

Он вышел на улицу и поймал проезжающего лихача. Сухаревка жила своей особой жизнью даже ранним утром. Рынок шумел, гудел, вонял капустой, дегтем и прогорклым маслом. Здесь можно было купить всё: от старинного фолианта до краденого коня.

Лавров прошел в самые дальние ряды, туда, где торговали слухами и секретами. Он быстро нашел нужный ему покосившийся прилавок, за которым сидел невзрачный мужичок с красным носом и бегающими глазками — тот самый «Канцелярский волк».

— Здравствуй, Митрич, — Лавров бросил на прилавок серебряный рубль. — Нужна информация. О Комитете по благоустройству рынков. И о некоем «Князе», который там завелся.

Глаза Митрича расширились от страха. Он схватил рубль дрожащими руками.

— Господин Лавров! Помилуйте, об этом не говорят! Князь — это не человек, это кара божья!

— Бог на Хитровке не торгует, Митрич. А я торгую. Говори.

Митрич огляделся по сторонам, наклонился ближе и зашептал:

— У него завтра прием. В особняке. Говорят, хочет открыть новый приют для сирот. Показуха одна! Но там будет весь город — и полицмейстер, и губернатор.

— Прекрасно, — Лавров улыбнулся. — А теперь главное. У тебя есть лишний пригласительный билет на этот вечер?

Митрич побледнел еще больше, но за рубль и страх перед Лавровым потянулся под прилавок и достал из тайника помятую карточку с сургучной печатью.

— Вот, барин. Вызывали меня для переписи инвентаря, да я не пошел. Это вам пропуск в самое пекло.

— Благодарю, Митрич.

Лавров вышел из рынка. В кармане его пальто лежало приглашение на бал к дьяволу. Он вернулся на Бронную, где его ждал Иван Данилович, уже с начищенным до блеска револьвером.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.